

грека, коли закінчував вступ поеми посвятою свого твору народів: “Твоєму генію мій скромний дар весільний”. І поставив у стилі літописця дату написання “Мойсея”: “Д <ня> 20 липня 1905” [8, 214].

Власне, І. Франко починав свій творчий шлях, продовжував і закінчував його як Каменярь.

Література

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические в русском переводе. – К. : УБО, 2003. – 1390 с.
2. Гомза Я. Як народився “Мойсей”? Маловідомий епізод із життя і творчості І. Франка / Я. Гомза // Самостійна Україна. – 1994. – № 27 (15–21 лип.).
3. Грицак Я. Іван Франко в еволюції політичної думки / Я. Грицак // Сучасність. – 1994. – 9 верес. – С. 114–126.
4. Донцов Д. “Мойсей” І. Франка // Донцов Д. Туга за героїчним : Ідеї і постаті літературної України. – Лондон : [б. в.], 1953. – 91 с.
5. Забужко О. Філософія української ідеї та європейський контекст : Франківський період / О. Забужко. – К. : Факт, 2006.
6. Здоровега В. Іван Франко та українська публіцистика / В. Здоровега // Дзеркало тижня. – 2006. – № 22, 12 черв.; 17 черв.
7. Мочульський М. З останніх десятиліть життя Івана Франка (1896–1916) / М. Мочульський // Спогади про Івана Франка. – Л. : Каменярь, 1997. – С. 422–443.
8. Франко І. Зібрання творів : у 50 т. Т. 5 / І. Франко. – К. : Наук. думка, 1976.
9. Франко І. Будівничий української державності : хрестоматія політологічних статей Івана Франка. – К. : Вид. дім Києво-Могилян. акад., 2006. – 640 с.

УДК 82-343

Ірина Тарангул

“... Я ЗАВЖДИ ЧУЮ ГОРЕ, БАЧУ ГОРЕ, А ПОКАЗАТЬ НЕ ВМІЮ”: МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧЕСКІЕ АНТИНОМІИ ОБРАЗА КАССАНДРЫ В ІНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕСИ УКРАИНКИ

В статье исследуются способы переосмысления мифа о Кассандре в драматургии Леси Украинки. В процессе рецепции мифологического сюжета обнаруживается углубление психологической характеристики образа. Проводится мысль о том, что в результате взаимодействия обоих сюжетов в универсальном

контексте на уровне подтекста поднимаются проблемы драматических процессов современности.

Ключевые слова: миф, традиционные структуры, рецепция, аксиологические доминанты.

Тарангул Ирина. “... Я завжди чую горе, бачу горе, а показати не вмію”: морально-психологічні антиномії образу Кассандри в інтерпретації Лесі Українки. У статті досліджуються способи переосмислення міфу про Кассандру в драматургії Лесі Українки. У процесі рецепції міфологічного сюжету виявляється поглиблення психологічної характеристики образу. Проводиться думка про те, що в результаті взаємодії обох сюжетів в універсальному контексті на рівні підтексту піднімаються проблеми драматичних процесів сучасності.

Ключові слова: міф, традиційні структури, рецепція, аксіологічні домінанти.

Tarangul Irina. “... I Always Hear Woe, Woe to See, But do not Know How to Show”: Moral-Psychological Antinomy Image Interpretation Cassandra Lesya Ukrainka. The methods of reception of myth about Kassandre are investigated in dramaturgy of Lesya Ukrainka. In the process of reception of mythological subject deepening in psychological descriptions of appearance is revealed. The idea is advanced that the problems of dramatic processes of the present are raised as the result of both plots interaction in the universal context on the subtext level.

Key words: myth, traditional structures, reception, axiological dominants.

Постановка научной проблемы и её значение. Осмысливая истоки основных проблем современности, литература XX века тяготеет к философскому обобщению предыдущего опыта человечества для его переосмысления на новом витке общественного развития. Осмысление современности в контексте общечеловеческой культурной традиции достигается путем внедрения в контекст современного литературного материала традиционных структур, переосмысления их общепринятых аксиологических характеристик.

Особый интерес для современной литературы представляют традиционные образы мифологических женщин, в которых, на наш взгляд, заложены противоречивые архетипные характеристики, позволяющие увидеть в женщине, с одной стороны, слабость и незащищенность, с другой – неожиданно возникающую в критической ситуации силу духа, стойкость, непоколебимость характера, готовность к самопожертвованию. Женщина-жертва, женщина-мстительница, женщина-амазонка, женщина – защитница морально-этических принципов – таков далеко не полный диапазон содержательных характеристик образов мифологических женщин (сравни: Антигона, Электра, Елена, Юдифь и др.).

Активность восприятия онтологических и аксиологических доминант женских мифологических образов характерна для тех культурно-исторических периодов, когда цивилизация находится в обостренном состоянии экзистенциального выбора. На рубеже XIX–XX вв. назревает кризис исторического сознания, подготовленный эстетической программой реализма, новыми научными открытиями и политическими событиями. Актуальным становится вопрос о самоценности индивида, его месте и роли в истории. Литература этого периода полна ощущений некоего катастрофизма времени, а трагическое восприятие эпохи отражается в апокалиптических мотивах. В такой ситуации вполне органичным является обращение писателей к традиционным образам и сюжетам легендарно-мифологического происхождения, которые играют роль своеобразного маяка, нравственного ориентира для переходного времени.

В культурный контекст начала XX века удачно вписывается тема античной Трои. Погибшая цивилизация особо интересует современного человека, который оказался в ситуации ощущения краха современного мира. Актуальность обращения и современной обработки троянского цикла мифов обусловлена также и временем его формирования. Этот цикл создается в переходный период в жизни античного общества, когда наряду с экономическими изменениями происходит переоценка морально-этических принципов. Формируется новый взгляд на место человека в окружающем мире. В современных обработках традиционных структур поиск опыта человека в разрешении внутренних противоречий личности, конфликта личности и толпы, тема трагической судьбы пророка ассоциируется с мифом о Кассандре, в котором первоначально поднимается проблема противостояния воле богов (в данном случае воле Аполлона).

В античной литературе образ Кассандры появляется в поэмах Гомера, а позже активно разрабатывается древнегреческими и римскими трагиками. Но ни в одном произведении Кассандра не является центральным персонажем, этот образ не играет основной роли в развитии сюжетного действия. Безысходность и трагическая судьба троянской прорицательницы привлекают внимание Эсхила (“Агамемнон”), Еврипида (“Александр”, “Троянки”), Сенеки (“Агамемнон”), Ликофрона (“Кассандреида”), Акция (“Клитемнестра”). Античная Кассандра покорна судьбе, пассивна перед волей рока, она не в силах изменить ни свою судьбу, ни судьбу окружающих.

В европейской культуре интерес к Кассандре возрождается в конце XVIII века (“Кассандра” Ф. Шиллера), а в первой половине XIX века интерес к этому образу усиливается в русской литературе (“Кассандра” В. К. Кюхельбекера, “Кассандра в чертогах Агамемнона” А. Ф. Мерзлякова, “Кассандра” А. Н. Майкова). В XX веке, в эпоху мировых катаклизмов, интерес к образу мифологической прорицательницы принципиально актуализируется. В различных национальных литературах к образу Кассандры обращаются Леся Украинка (“Кассандра”), Д. Дринкуотер (“Ночь Троянской войны”), Ж. Жироду (“Троянской войны не будет”), Г. Гауптман (“Смерть Агамемнона”), А. Мак-Лей (“Троянский конь”), Р. Байр (“Агамемнон должен умереть”), К. Вольф (“Кассандра”), Ч. Айтматов (“Тавро Кассандры”), С. Гейм (“Книга царя Давида”), Г. Грасс (“Встреча в Тельгте”) и др.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Для творчества Леси Украинки характерно активное использование легендарно-мифологических и евангельских традиционных структур, в которых сконцентрированы глобальные проблемы европейской цивилизации. Драматургия украинской писательницы в значительной степени основана на многообразных общекультурных традициях.

Значительной по разработке психологических аспектов образа Кассандры является драматическая поэма Леси Украинки “Кассандра”, в которой посредством глубокого психологического анализа осуществляется отчетливая связь архетипического образа с общественно-политическими изменениями современной автору эпохи.

В современном литературоведении существуют различные подходы в осмыслении основных конфликтов драмы. Так, традиционными в изучении ее идейно-тематического своеобразия признаны работы А. И. Белецкого, В. Петрова. В последние годы оригинальным становится феминистическое прочтение драмы Леси Украинки (В. Агеева), а также поиск в традиционном мифологическом сюжете украинских национальных мотивов (О. Забужко, Д. Донцов).

В драме Леси Украинки семантика античного мифа о Кассандре приобретает новое звучание и трансформируется в масштабную тему судьбы и роли пророка в трагической современной ситуации. Анализируя принципы функционирования мифологических образов женщин в литературе XIX–XX вв., А. Е. Нямцу отмечает следующую

закономерность: “... во всех глобальных и «частных» конфликтах и противостояниях, потрясающих человеческий мир, именно женщина, как правило, является страдающей стороной” [6, 81]. Так, в ходе развития сюжетного действия становится очевидным психологическое раздвоение героини: с одной стороны, перед нами личность с ярко выраженным героическим началом, с другой – прорицательница, принципиально сомневающаяся в своих пророчествах из-за непонимания, а порою и презрения со стороны окружающих. Этот внутренний конфликт порождает неуверенность Кассандры в своих возможностях. Результатом собственной неуверенности становится невозможность Кассандры реализовать данное ей высокое назначение повлиять на ход приближающихся трагических событий в Трое. В троянском мифе одним из основных роковых моментов, повлекших за собой трагическое падение Трои, является эпизод, в котором греческий лазутчик Синон убеждает троянцев принять в знак уважения от ахейцев деревянного коня со спрятанными внутри него греческими воинами. Именно Синон в нужный момент выпускает греков из их тайного оружия, что и повлекло за собой последующие трагические события для Трои.

В мифологическом сюжете Кассандра уговаривает троянцев не верить словам Синона и не вводить в Трою деревянного коня-ловушку, но к ее словам никто не прислушивается, и Кассандре ничего не остается, как покориться судьбе. В новой версии мифологического сюжета автор дает шанс своей Кассандре повлиять на развитие трагической ситуации и тем самым отвернуть беду: в момент ее предостережения о грозящей от Синона опасности Кассандре вручается меч, чтобы казнить Синона и тем самым доказать свою решительность, твердость духа и правдивость своих предсказаний. Этого эпизода нет в мифе, в то время как в драме Леси Украинки он дает четкое представление о слабостях Кассандры, раскрывает причины, сделавшие ее трагической героиней. Отсутствие решительности порождает в героине сомнения по поводу своих предсказаний – и Кассандра отказывается сделать решающий шаг.

Пророчество достойно внимания тогда, когда пророк, предвещая несчастье, предлагает выход из сложившейся ситуации, а интуитивные предчувствия Кассандры зачастую носят размытый, неконкретный характер, она видит, но объяснить увиденное не может:

*Ох, Поліксено,
я завжди чую горе, бачу горе,
а показати не вмію. Я не можу
сказати: тут воно або он там,
Я тільки знаю, що воно вже є
і що його ніхто вже не одверне... [9, 22].*

Неверие пророческим словам со стороны окружающих тяготит мифологическую Кассандру, в то время как в трактовке Леси Украинки героиня страдает не от того, что ее словам не верят, а что ее трагические предчувствия нарушают привычное спокойствие окружающих, разрушают надежду на спасение, вместо того, чтобы служить призывом к активному действию:

*Андромаха
Та що, Кассандро,
доволі з нас уже твоєї правди,
Зловісної, згубливої, так дай же
нам хоч неправдою пожити в надії [9, 55]*

В реакции троянцев отражается универсальная психологическая черта человечества – люди не хотят знать горькую правду. Поэтому Троя – это не просто гибнущий город, это модель изживающего себя мира, где нет места правде. В этой связи все основные персонажи поэмы оказываются антиподами Кассандры, кроме того, в каждом из них отсутствует дух отчизны: Парис ради любви готов пожертвовать родиной; Поликсену больше заботит обывательское счастье, нежели судьба отчизны; Деифоб оказывается отважным лишь на словах; Андромаха после падения Трои выходит замуж за эллина (“Андромаха? Ся не була троянкою ніколи...” [9, 97]). Поэтому гибель Трои становится явлением вполне закономерным.

Логика предсказаний Кассандры исходит из понимания того, что зло не может не породить новое зло. Кассандра предсказывает только наихудшее, поэтому в восприятии окружающих она становится символом Смерти. На самом же деле, своими высказываниями Кассандра пытается донести до троянцев мысль об их духовной мертвенности, а предсказания их физической смерти несут характер скорее предостережения: что случится, если троянцы в своих действиях будут руководствоваться лишь собственным эгоизмом? Ее предостережения дают шанс на спасение, на психологическое перерождение, на новую

Жизнь. Диалоги Кассандры с каждым из героев открывают возможность такого спасения. Проблема заключается в том, что Кассандра в силу своей слабости не может повлиять на окружающих, а жители Трои не хотят ей верить (“Глухий не чуе – де ж тут перемога?” [9, 14]).

Таким образом, автор ставит принципиально важную экзистенциальную проблему эпохи – проблему пророка и толпы (обозначенную В. Агеевой как коммуникативный разрыв), развивая ее до проблемы власти над толпой. В образной системе пьесы эта проблема связана с образом псевдопророка Гелена. В ходе развития сюжетного действия образ Гелена помогает понять характер пророчеств самой Кассандры, что также является одной из литературоведческих дискуссий.

В отличие от интуитивных предчувствий Кассандры, характер “предсказаний” Гелена отличается прагматизмом, он строит свои псевдопредсказания по принципу анализа ситуации. Гелен – это пример “пророка”, предсказания которого нацелены на собственные интересы и поэтому он предвещает “удобную” правду.

Мотив неверия в предсказания Кассандры, который изначально являлся ключевым в мифологическом сюжете, обростає соціально-філософським содержанием и, приобретая обобщающий характер, трансформируется в проблему знания/незнания Истины. Так, оппозиция Кассандры и Гелена рождает проблему *знания* правды, приносящей несчастье и социальное одиночество пророку и ее *имитации*, дающей власть над окружающими. Кассандра предвещает беду, которую неспособна предотвратить, поэтому ее правда оказывается ненужной, в то время как имитация правды Гелена (предвещать то, что полезно) пользуется уважением среди окружающих. Правда Гелена – это лишь способ манипуляции людьми, в то время как для Кассандры знание правды не может быть использовано для достижения собственных целей. Поэтому ее правда страшна и не нужна людям. Божий дар Кассандры трактується окружающими как проклятие богов, а саму героиню часто провозглашают лишенной разума. Как уже отмечалось выше, в силу различных причин гибель Трои оказывается неминуемой. Столь трагичным становится и итог жизни самой Кассандры. В финале драмы Кассандра предсказывает собственную смерть и покоряется судьбе. После поражения Трои героиня осознает свою слабость, бесполезность своих пророчеств, ей не удалось переубедить троянцев и предотвратить собственные предсказания. Кассандра сломлена и ей остается лишь желать собственной смерти:

*Колись була пророчиця Кассандра, –
вона згоріла на пожежі в Трої,
слова її пророчі спопеліли,
і вітер їх розніс ген-ген по морю...
... Тепер нема нічого від Кассандри.
Царице, загадай мені роботу, –
я вмю все, окрім пророкування [9, 99].*

Вывод. В новом варианте мифологического сюжета о Кассандре писательнице удалось качественно усложнить характер героини путем переосмысления нравственно-психологических доминант образа и, приспособив на уровне подтекста основные аксиологические характеристики образа Кассандры к запросам эпохи-реципиента, раскрыть основные социально-философские противоречия современности.

Литература

1. Агеева В. П. Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації : монографія / В. П. Агеева. – 2-ге вид. – К. : Либідь, 2001. – 264 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 424 с.
3. Білецький О. І. Від давнини до сучасності : зб. пр. з питань укр. л-ри : вибр. пр. : у 2 т. Т. 2 / О. І. Білецький. – К. : Держлітвидав, 1960. – С. 358–381.
4. Донцов Д. Поетка українського рiсорджiмента / Д. Донцов // Українське слово. – К. : [б. в.], 1994. – Кн. 1. – С. 169–176.
5. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine : Українка в конфлікті міфологій. – 2-ге вид., випр. / О. Забужко. – К. : Факт, 2007. – 640 с.
6. Нямец А. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) : монография. – Черновцы : Рута, 2007. – 520 с.
7. Петров В. Драматична поема Лесі Українки “Кассандра” / В. Петров // Вісн. АН УРСР. – 1991. – № 2. – С. 61–67.
8. Поліщук Я. Відлуння античного міфу загибелі (“Кассандра” Лесі Українки) // Слово і час. – 1999. – № 8. – С. 18–27.
9. Українка Леся. Зібр. тв. : в 12 т. Т. 4. – К. : Наук. думка, 1976. – 347 с.

УДК 801.73:2(082.22)

Тетяна Тарасюк

ЦИТАТА ЯК ПРИЙОМ ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ (на матеріалі сучасного церковного послання)

У статті проаналізовано специфіку реалізації категорії інтертекстуальності, зокрема цитати, на матеріалі сучасного церковного послання. Установлено